

ДМИТРИЙ НЕЧАЕНКО

“ДВЕНАДЦАТЬ” КАК СНОВИДЧЕСКАЯ МИСТЕРИЯ

(новое о поэтике легендарной поэмы Александра Блока)

В записных книжках Блока сохранилось несколько набросков пьес, основу сюжета которых составляют факты биографии поэта, постоянно мыслившего себя актёром на жизненной сцене¹. Один из самых характерных таких набросков – запись от 19 августа 1908 г.: “Режиссёр – (Смерть) Время. Слова на сцене <...> у плохо сколоченной стенки садового театра дремлет Старик актёр в гриме Гамлета. Режиссёр – преувеличенно громким голосом, хлопая старика по плечу: “А вы всё спите (дремлете), принц?” Уходит в глубь сада. Старик просыпается. Молодость прошла. Ветер крутит по дорожкам жёлтые листья. Сиверко². “Миленький, тебе не жаль меня?” А рядом кривляется и звенит Арлекин. Режиссёр-Время. Нам нечего скрывать друг от друга. Вся наша труппа стара, и сам я старше всех”³. Если вспомнить о том, что роль Гамлета – любимая роль юного Блока в сыгранных им (в 1898 г.) любительских спектаклях в Шахматове, Боблове и Дедове, а также о том, что лирический герой поэта тоже предстаёт перед нами в образе датского принца (“Я – Гамлет. Холодеет кровь...”), жизненный и философский подтекст приведённого фрагмента становится особенно драматичным.

Излюбленные театральные маски Блока со времени “Балаганчика” – Колумбина, Арлекин и Пьеро – стали *главными* персонажами поэмы “Двенадцать”: Катькой, Ванькой и Петрухой. И легкомысленная петроградская кокотка Катька, и солдат Ванька, и красногвардеец Петруха наделены у Блока характерными чертами площадных скоморохов-лицедеев и кукол-марионеток: Ванька – “физиономией дурацкой” с чёрными усами; он “пошучивает”, “чёрный ус покручивает” да “толстоморденькую Катьку-дуру обнимает, заговаривает”; у Петрухи “не видать совсем лица”, “платок на шее” и явно шутовская, “марионеточная” манера “вскидывать” при ходьбе “головку”. В предисловии к книге “А. Блок. Двенадцать” (издана в Софии) П. Сувчинский ещё в 1920 г. обратил внимание на одну характерную особенность изображения красногвардейцев в поэме: все они – как будто “игрушечные, даже оловянные солдатики”⁴. Далекое не случайно в данной связи, конечно, и настойчивое акцентирование Блоком (с помощью уменьшительной лексики) миниатюрной марионеточности не только героев поэмы, но и всей её фантазмагорической, мистериальной, театрально-кукольной атмосферы⁵: “Завивает ветер белый

* Окончание. Начало в № 8 за 2011 г.

снежок. / Под снежком – ледок. ... / Всякий ходок / Скользит – ах, бедняжка!"; "старушка убивается–плачет... / Старушка, как курица"; "Рваное пальтишко, / Австрийское ружьё!"; "зубки блещут жемчугом"; "толстоморденькая"; "Эх, эх, попляши! / Больно ножки хороши!"; "будешь знать, / Как с девочкой чужой гулять!"; "И опять идут двенадцать, / За плечами ружьеца"; "ночки чёрные, хмельные"; "Выпью кровошку / За зазнобушку, / Чернобровушку"; "их винтовочки стальные / На незримого врага"; "в белом венчике из роз". Роковая сердцеедка Катька тоже ведёт себя как вертепная кукла⁶, марионетка ("Запрокинулась лицом, / Зубки блещут жемчугом") и характеризуется хотя и немногословно, но вполне определённо: "толстоморденькая" и "дура". При этом не следует забывать об этимологии самого слова "марионетка", исполненного парадоксального, двойного смысла, ведь происходит оно от имени Приснодевы Марии, главной героини старинных кукольных мистерий⁷. Впоследствии марионетки исподволь стали называть вообще всех кукол, участвующих в представлении. При чтении кульминационных – 4-й, 5-й и 6-й – глав поэмы создаётся впечатление, что перед нами разыгрывается какая-то действительно вертепная драма, сочетающая в своей поэтике самые разнородные элементы – скоморошества, гротеска, пародии и даже трагедии, поскольку всё заканчивается "простреленной головой" несчастной Катьки. В данной связи обращает на себя внимание одно любопытное, но мало кому из литературоведов известное обстоятельство. В 1918 г. (в год создания Блоком "Двенадцати") в Киеве известный тогда историк и теоретик театра А. Кисиль издал книгу "Украинский вертеп", где предложил использовать опыт народного вертепного театра для политического просвещения народа. Именно Кисиль впервые предложил использовать кукольный вертеп как вид агиттеатра. Осенью 1923 г. на Украине по инициативе студентов и преподавателей Межигорского художественно-керамического техникума был организован "Революционный вертеп" под руководством П. Горбенко. Создатели его, будущие профессиональные художники, использовали старинную форму народного театра кукол для антирелигиозной агитации и пропаганды революционных большевистских идей. Успех межигорского вертепа превзошёл все ожидания его создателей: театр стал гастролировать по всей Украине. В 1924 г. после гастролей в Прилуках и Житомире в этих городах также были созданы свои "революционные вертепы"⁸. Малороссийский опыт использования в целях коммунистической пропаганды традиций марионеточного театра и *commedia dell'arte* удивительным образом оказался востребованным и в Европе, о чём свидетельствует биография Дарио Фо (род. в 1926 г.). Фо – еврей итальянского происхождения, теоретик театра, с 1963 г. выступавший актёром, режиссёром и автором скетчей для кабаре и уличных представлений. Начиная с 1969 г. Фо руководил передвижной театральной труппой "Ла коммуна" и был близок к левым социалистам. Фо – автор сценических фарсов-арлекинад ("Пальцем в глаз", 1953) и политических драм в традициях брехтовского театра ("Народная война в Чили", 1973). В его проникнутых чёрным юмором гротескно-сатирических пьесах "Мистерия-буфф" (1969), "Случайная смерть анархиста" (1970), "Тук-тук! Кто там? Полиция" (1974), "Не можешь платить – не плати" (1981) приёмы традиционного иудейского агитпропа (я имею в виду, прежде всего, послереволюционные театральные постановки В. Мейерхольда и "массовые зрелища" Н. Евреинова) причудливо сочетаются с гротескными элементами комедии дель арте, ярмарочного театра кукол и цирковой клоунады. В 1997 г. Дарио Фо стал даже обладателем Нобелевской премии по литературе, что в ряду таких лауреатов как И. А. Бунин, У. Фолкнер или Э. Хемингуэй воспринимается, конечно, как чистейший курьёз или как та же самая *commedia dell'arte*, приёмы которой Фо на протяжении многих лет успешно эксплуатировал.

Жанр вертепной драмы (как следует из самого понятия) получил своё название от *вертепа* – народного кукольного театра, имеющего форму двухэтажного деревянного ящика и напоминающего по строению сценическую площадку, служившую некогда местом для представления средневековых мистерий. Как отмечают театроведы, вертеп сочетал в себе два театральных направления – обрядовый, магический "театр чудес" и театр народного игрища, театр религиозный и театр светский⁹. Началом вертепной драмы следует считать рождественскую драму марионеток, перешедшую в XVII в. из Западной Европы в Польшу и на Украину. Обычное содержание вертепной драмы таково:

царь Ирод, узнав от волхвов, что родился Иисус Христос, претендующий на престол царя иудейского, призывает воина и приказывает ему истребить в Вифлееме “всех младенцев от двух лет и младше”. Воин выполняет приказ, но “одна старая баба Рахиль не даёт своего дитёнка бити”, и тогда рассвирепевший Ирод повелевает убить ребёнка Рахили. За свои злодеяния Ирод платится жизнью: явившаяся с того света Смерть отрубает ему голову, а черти тащат его труп в преисподнюю. После гибели Ирода на сцене с пением и пляской появляются весёлые персонажи интермедии – цыган, еврейка, москаль, дед с бабой, церковный пономарь и др. Таким образом, вертепная драма делится на две части: в первой разыгрывается евангельский сюжет, связанный с рождением Христа, а вторая часть представляет собой механически присоединённую к первой сатирически-бытовую и комическую интермедию¹⁰. Нечто подобное этой дихотомии, только в обратном порядке, мы видим в поэме “Двенадцать”: все первые её 11 глав и большая часть 12-й посвящены изображению пёстрой картины революционного Петрограда, и только в самом финале возникает мистериальное видение Иисуса Христа. О том, что сам Блок воспринимал образ “в белом венчике из роз” именно как *видение, сон наяву*, свидетельствует его дневниковая запись 10 марта 1918 г., у которой есть своя предыстория.

Накануне этого дня жена поэта Л. Д. Блок посетила О. Д. Каменеву (в девичестве Бронштейн), сестру Л. Д. Троцкого и супругу Л. Б. Каменева, ставшую после Октября комиссаром Театрального отдела, то есть руководителем всех театров России. Комиссар Каменева высказала своё мнение о только что (3 марта) опубликованной поэме и о намерении Л. Д. Блок выступить с её чтением со сцены. 9 марта 1918 г. Блок отметил в записной книжке: “Каменева сказала Лубе: “Стихи Александра Александровича (“Двенадцать”) – очень талантливое, почти гениальное изображение действительности. Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся”. Марксисты умные, – может быть, и правы. Но где же опять художник и его бесприютное дело?..”¹¹ Чего же так испугались “старые социалисты”? Впервые аргументированно и подробно написал об этом В. В. Кожин, сакцентировавший внимание на том, что “умных марксистов” напугало прежде всего, как им показалось, “восхваление”, то есть воспевание Блоком непредсказуемой стихии “русского бунта, бессмысленного и беспощадного”¹². Надо сказать, что не только Каменева или Луначарский, но и другие вожди большевиков восприняли “Двенадцать” отнюдь не как произведение, целиком и полностью близкое им по своей “идеологии”. Позднее, в 1923 г., Троцкий, признав (под влиянием уже сложившегося в большевистской критике стереотипа), что Блок создал “самое значительное произведение эпохи”, вместе с тем предпринял крайне любопытный с точки зрения яркого хриstopродавца, большевика и ненавистника “старой” России разбор “Двенадцати”: “Блок не был поэтом революции. Погибая в тупой безвыходности предреволюционной жизни и её искусства, Блок ухватился рукою за колесо революции. Плодом этого прикосновения явилась поэма “Двенадцать” – единственное из произведений Блока, которое переживёт века. По собственным словам, Блок всю жизнь носил в себе хаос. Говорит он об этом так же бесформенно, как бесформенны вообще его мироощущение и лирика. Хаосом чувствовал он свою неспособность сочетать субъективное с объективным, своё настороженно-выжидательное безволие в эпоху, когда подготавливались, а затем и разразились величайшие потрясения. Во всех перевоплощениях Блок оставался подлинным декадентом <...> Тревожная хаотичность Блока тяготела к двум главным уклонам: мистическому и революционному. И на обоих уклонах не разрешилась до конца. Религия его была расплывчатой, зыбкой – как его лирика. Революция, обрушившаяся на поэта каменным дождём фактов, геологическим обвалом событий, начисто не то что отрицала, а отодвигала, отменяла дореволюционного Блока, исходившего в томлениях и предчувствиях. Нежную комариновую нотку индивидуализма она заглушала ревушей и ухажущей музыкой разрушения. И тут надо было выбирать. И он выбрал, написав “Двенадцать”. Поэма эта есть – крик отчаяния за гибнущее прошлое <...> Музыка грозных событий внушала Блоку: всё, что ты доселе писал, не то; идут другие люди, несут другие сердца, им это не нужно; их победа над старым миром означает и победу над тобой, над твоей лирикой, которая была только предсмерт-

ным томлением старого мира. Блок услышал это и принял, – и так как тяжело было принять, и в своей революционной вере искал он помощи неверию своему, и хотел подкрепить и убедить себя, – то приятие революции выразил в наивозможно крайних образах, чтоб уж отрезать все мосты отступления. У Блока нет и тени попытки благочестиво посахарить переворот. Наоборот, он берёт его в самых грубых, и только в грубых, его выражениях, – стачка проституток, убийство Катюки, разгром буржуйских “этажей”, – и говорит: *примлю*, и вызывающе освящает всё это благословением Христа – или, может быть, пытается спасти художественный образ Христа, подперев его революцией. И всё же “Двенадцать” не поэма революции. Это лебединая песня индивидуалистического искусства, которое приобщилось к революции. И эта поэма останется. Сумеречная блоковская лирика уже ушла в прошлое и не вернётся. И то, что Блок написал “Двенадцать”, и то, что он замолчал после “Двенадцати”, перестав слышать музыку, вполне вытекает как из характера Блока, так и из той не очень обычной “музыки”, какую он уловил в 1918 году. Судорожный и патетический разрыв со всем прошлым стал для поэта фатальным надрывом. Поддержать Блока – если отвлечься от происходивших в его организме разрушительных процессов – могло бы, может быть, только непрерывно нарастающее развитие событий революции, могущественная спираль потрясений, охватывающая весь мир. Но ход истории не приспособлен к психическим потребностям пронзённого революцией романтика. Чтобы держаться на временных отмелях, нужен был иной закал, иная вера в революцию, – понимание её закономерных ритмов, а не только хаотической музыки её прилива. У Блока ничего этого не было и быть не могло. Руководителями революции выступали сплошь люди ему чуждые по психическому складу и даже по обиходу своему. И оттого после “Двенадцати” он свернулся и замолчал <...> Блок именно в 1918 году нашёл в себе (конечно, уж не на мостовой, а в себе) изломанную музыку “Двенадцати”. Для этого понадобилась мостовая Октября. И всё же “Двенадцать” не поэма революции. Ибо не в том же смысл революционной стихии, чтобы дать выход забившемуся в тупик индивидуализму. Внутренний смысл революции остаётся где-то за пределами поэмы, – она эксцентрична, в смысле механики, – и оттого увенчивает её Блок Христом. Но Христос никак не от революции, а только от прошлого Блока <...> Блок даёт не революцию, и уж, конечно, не работу её руководящего авангарда, а сопутствующие ей явления, хотя и вызванные ею, но, по сути, направленные против неё. Поэт как бы хочет сказать, что и в этом он её чувствует, её размах, страшное потрясение сердец, пробуждение, дерзновение, риск, и что даже в этих оттапливающих бессмысленно-кровавых проявлениях преломляется её дух, который для Блока есть дух вставшего на дыбы Христа <...> Ванька убивает Катюку из винтовки, которая ему дана его классом для защиты революции. Мы говорим: это попутно революции, но это не революция <...> Красногвардеец из ревности убивает Катюку. Возможно это или невозможно? вполне возможно. Но такого красногвардейца революционный трибунал, если бы настиг, приговорил бы к расстрелу. Революция, применяющая страшный меч террора, сурово оберегает это своё государственное право: ей грозила бы неминуемая гибель, если бы средства террора стали пускаться в ход для личных целей. Уже в начале 1918 года революция расправилась с анархической разнузданностью и вела беспощадную и победоносную борьбу с разлагающими методами партизанщины <...> Но если для Блока революцией является сама Россия, как она есть, то что означает “вития”, который считает революцию предательством, что означает поп, идущий в сторону, что означает “старый мир, как пёс паршивый”? Россия раскололась надвое – в этом и состоит революция. Блок одну половину назвал паршивым псом, а другую благословил теми благословениями, какие имелась в его распоряжении: стихом и Христом <...> Конечно, Блок не наш¹³.

Оставим за скобками присущую автору этого небезынтересного ныне разбора фарисейскую риторику, погрешности стиля и одесский “акцент” (“крик отчаяния за гибнущее прошлое”, “нет и тени попытки”) и даже плохое знание текста “Двенадцати” (на самом деле “убивает Катюку из винтовки” не Ванька, а Петруха). Для нас в данном случае важно другое: во-первых, неоднократное акцентирование Троцким чуждости Блока самому духу большевизма и, во-вторых, решительная констатация того, что “Двенадцать” – не поэма революции, а произведение “по сути, направленное против неё”. В чём тут дело?

А дело всё в том, что, по мнению Троцкого, “для Блока революция есть возмущённая стихия: “ветер на всём божьем свете!” <...> Для Клюева и для Есенина – пугачёвский и разинский бунты <...> Но революция вовсе не только вихрь. Крестьянской революционной стихии отвечают Пугачёв, Разин, отчасти Махно. Революционной стихии города отвечают Гапон, отчасти Хрусталёв¹⁴ и даже Керенский. Это ещё, однако, не революция, а только смута или суматоха на смуте. Революция же есть прежде всего борьба за власть, за утверждение власти, за преобразование общества <...> По существу же революция означает окончательный разрыв со святой Русью, с иконами и тараканами, приобщение к цивилизации и перестройка её материальных основ в соответствии с интересами народа”¹⁵. Остаётся только поражаться тому, насколько одинакова во все времена фарисейская демагогия, ведь то же самое красноречивое “преобразование общества” и “перестройке в интересах народа” (только не с одесским, а со ставропольским акцентом) ещё совсем недавно мы слышали из уст первого и последнего президента СССР. Как бы там ни было, основные идеологические претензии Троцкого к Блоку предельно ясны: вместо восторженного панегирика новой власти и её вождям (в том числе самому Троцкому) поэт даёт всего лишь картину “возмущённой стихии”, а вместо “окончательного разрыва со святой Русью и иконами” – хотя и неканонический, странный, но всё же в любом проявлении (кроме богохульного) ненавидимый большевикам образ Иисуса Христа. Поэтому для Троцкого и Блок, и Есенин, и Клюев – всего лишь “только попутчики”, или, как он выразился ещё более определённо, с еврейской непосредственностью: “мистики и поэты национальных экскрементов”¹⁶. Негативное отношение Блока к леволыберальному и революционному еврейству хорошо известно по его дневниковым записям¹⁷ и переписке с поэтом А. И. Тиняковым¹⁸, но до такой пакостной брани, как в данном случае Троцкий, Блок всё же никогда не опускался. Итак, Блоку “умные марксисты” вменяли в вину, с одной стороны, “восхваление” стихии неуправляемого русского бунта, а с другой – решительное и упорное нежелание воспевать большевистскую “перестройку”, то есть “окончательный разрыв со святой Русью”. Особенное раздражение Троцкого, как видим, вызвало то, что “Двенадцать”, с его точки зрения как большевика и иудея, поэма всё же – по духу своему и по смыслу своего финала – слишком русская, поскольку увенчивается, как бы там ни было, всё же образом Иисуса Христа, а не героическим портретом самого Троцкого или его сообщников типа Нахамкиса и Розенфельда.

Самое пронизательное и глубокомысленное, что удалось мне прочесть о символическом Образе, который венчает “Двенадцать”, принадлежит перу одного поляка и одного еврея – людей совершенно далёких от академического литературоведения и потому, слава Богу, свободных от расхожих представлений и стереотипов. Первый из них – замечательный мыслитель, историк философии, этнический психолог, профессор (с 1918 года) Московского университета Г. Г. Шпет (1879–1937), расстрелянный в Томске по приговору “тройки” НКВД и ныне почти забытый. Второй – известный поэт Давид Самойлов (1920–1990). Размышляя в своих “Эстетических фрагментах” над смыслом финала “Двенадцати”, Шпет написал: “Андрей Белый дал любопытное толкование “Двенадцати”: “И вот, в Катке и Петке, в том звуке крушения старого мира, который Александр Александрович услышал со всей своей максималистической реалистичностью, должно быть начало восстания, начало светлого воскресения, Христа и Софии, России будущей: впереди – в светлом “венчике из роз” – Иисус Христос!..” Да не так же это надо понимать, что идут двенадцать, маршируют, позади жалкий пёс, а впереди марширует Иисус Христос, – это было бы действительно идиотическое понимание! “Впереди Иисус Христос” – что это? Это значит, что через всё, через углубление революции до революции жизни, сознания, плоти и кости, до изменения наших чувств, наших мыслей, до изменения нас в любви и братстве – вот это “всё” и идёт к тому, что “впереди” – вот к какому “впереди” это “идёт”. “Пёс”, конечно, ясен:

*Стоит буржуй на перекрёстке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жмётся шерстью жёсткой
Поджавший хвост паршивый пёс.*

*Стоит буржуй, как пёс голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пёс безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.*

Христос всё же не так-то ясен. Твёрдо одно: “максималистическая реалистичность”. Стало быть, — знак? символ? или видение? Чего же видение и знак и символ? — Не трансцендентного “ничто”, а прежде всего — собственного сознания, совести. И это двойка: 1) как — “во имя Христа” и 2) как укор — “что же делаем”? В этом ничего антихристианского нет. У нас до революции Христос отождествлялся с “попом”. В этом своеобразный “демократизм” православной русской церкви. И у римских католиков, и у греческих Церковь — Христос, но у первых Папа, а у нас “поп” (всё равно — иерей, архиерей, диакон, “батюшка”). Там сосредоточено, здесь дистрибутивно. В результате, “долой Папу!” ничего серьёзного не обозначало — протестантский маргарин. А в России “долой попов!” стало означать “долой Христа!”. Но так как укол совести — в “венчике из роз” — всё-таки, и с малолетства, — то как же отогнать навязчивое видение, беспокоящее видение? И снова, и снова — всё настоятельнее тревога, что видение это — действительность, та самая разрушаемая действительность.

*— Всё равно, тебя добуду.
Лучше сдайся мне живьём!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнём!
Трах-тах-тах!..*

Действительное выстрелов не боится. Знак, Символ, Имя — всегда действительны, всегда реальны. Одно только Имя — и видение оплотнеет.

*— Ох, пурга какая, Спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво...*

Значит, всё “долой” — в “бессознательность”: и Спасителя, и Его имя, и просто голос совести человеческой! Здесь-то рука и хватается приподнять завесу. Что за нею предстало Блоку? Холодное ничто, о котором поэт не говорит, да и сказать о ничто нечего. Лишь проникает в душу беспредельный ужас, рождающий отчаяние перед невозрождением, отчаяние от того, что всё — понапрасну, отчаяние, что в самой революции — всё тот же старый быт, “старый мир, как пёс паршивый”... Вдруг, в самом деле, не видение есть действительность, а наше старое нигилистическое ничто? Значит, оно — не кошмар и впредь останется? —

*Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...*

Заливается смехом злобным, торжествующим, издевательским? — Нет, едва ли. Этот смех не над “провалом” и “бездною”, а только над неудачей, над смешною ошибкою: сами выстрелы, само “трах-тах-тах” по действительному видению <Исуса Христа> — не действительно, не реально, иллюзорно. В этом — надежда. Ошибался поэтом и тот, кто говорил “вполголоса”: “Предатели! Погибла Россия!” Ошибался. Россия не погибла¹⁹. Особенно дорогого стоит в этом довольно сумбурном разборе, конечно, упоминание о том, что в Христовом “венчике из роз” запечатлён живший в сознании (или подсознании) Блока “с малолетства” укол христианской совести, и поэтому “отогнать” от себя “навязчивое видение” Спасителя поэту было не под силу. Сколько таких трогательных, любовно сплетённых руками крестьянок “венчиков” вокруг иконок видел-перевидел Блок окрест родного Шахматова, в сельских церковушках, на покосившихся от времени крестах тихих деревенских кладбищ, заросших рябинами и сиренью?.. “И если слабею, мне снится икона”²⁰, — напи-

сала в одном из стихотворений 1915 года Анна Ахматова. Эти же слова мог бы с чистой совестью повторить и Александр Блок, чтобы раз и навсегда объяснить маловерам смысл своего видения – явления Иисуса Христа над вьюжной круговертью в охваченном революционной бесовщиной Петрограде.

*Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.*

*Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре, —*

эти пушкинские стихи, предвещающие роман Достоевского “Бесы”, с полным основанием мог бы поставить эпиграфом к “Двенадцати” и Блок. О том, что в его подсознании во время работы над поэмой явно звучала не только “мистическая”, но и музыкальная тема пушкинских “Бесов”, свидетельствует простое, “школьное” сравнение обоих текстов, совпадающих не только по стихотворному размеру, но даже по интонации. “Бесы”:

*Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... “Что там в поле?” —
“Кто их знает? пень иль волк?”*

*Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;*

*Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин...*

“Двенадцать”:

*Вдаль идут державным шагом
— Кто ещё там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...*

*Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстаёт —
Пёс холодный — пёс безродный...
— Эй, откликнись, кто идёт?*

*Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...*

Если, для наглядности, соединить строфы пушкинских “Бесов” и “Двенадцати”, может показаться, что перед нами одно и то же стихотворение:

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.*

Еду, еду в чистом поле;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Страшно, страшно поневоле
 Средь неведомых равнин!
 Бесконечны, безобразны
 В мутной месяца игре
 Закружились бесы разны,
 Будто листья в ноябре.
 Сколько их? куда их гонят?
 Что так жалобно поют?
 Домового ли хоронят,
 Ведьму ль замуж выдают?
 Отвяжись ты, шелудивый,
 Я штыком пощекочу!
 Старый мир, как пёс паршивый.
 Провались — поколочу!
 Эй, пошёл, ямщик! — “Нет мочи:
 Коням, барин, тяжело;
 Вьюга мне слипает очи;
 Все дороги занесло”.
 Впереди — сугроб холодный.
 — Кто в сугробе? — выходи!
 Только нищий пёс голодный
 Ковыляет позади.
 Сил нам нет кружиться доле;
 Колокольчик вдруг умолк;
 Кони стали... “Что там в поле?” —
 “Кто их знает? пень иль волк?”
 Скалит зубы — волк голодный —
 Хвост поджал — не отстаёт —
 Пёс холодный — пёс безродный...
 — Эй, откликнись, кто идёт?
 Кто там машет красным флагом?
 Приглядись-ка, эка тьма!
 Кто там ходит беглым шагом,
 Хоронясь за все дома?..
 Еду, еду в чистом поле;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Страшно, страшно поневоле
 Средь неведомых равнин!

Явственное предвестье революционной бури, слившейся со стихией ветра и снежной вьюги, отчётливо слышится уже в блоковских стихах, написанных в декабре 1906 года, в самый разгар первой революции: “Ветер веет снежный”; “Тучи да снега”; “Ветер свищет в щель. / Как мне любо слушать / Вьюжную свирель!”; “Ветер, снежный север, / Давний друг ты мне!”; “Дети ночи чёрной — где мы? / Чьи взывают голоса?..”; “Отдалённого восстанья / Надвигающийся гул”; “О, город! О, ветер! О, снежные бури!..”²¹.

Конечно, пушкинские “фольклорные”, сказочные бесы куда менее страшны, чем революционные блоковские, да и тревожное колокольчиковое “дин-дин-дин” пушкинской тройки — это не губительное “трах-тах-тах” из “винтовочек стальных”, открывших пальбу по Святой Руси. Между тем, в Библии бесы являются не только причиной недуга бесноватых или вселяются в языческих идолов, но и обуславливают социальные конфликты, что резонно отмечено в статье “Бесы как причина политических проблем”²² авторитетных американских гебраистов. Бесы вмешивались в международную политику Израиля, Персии, Сирии и Греции (Книга пророка Даниила, Третья книга Царств). Местные политические интриги среди евреев (такие, как вражда между Авимелехом и жителями Сихема) тоже указывают на работу злого духа: “Авимелех же царствовал над Израилем три года. И послал Бог злого духа между Авимелехом и между жителями Сихема, и не стали покоряться жители Сихемские

Авимелеху, дабы таким образом совершилось мщение за семьдесят сынов Иеровааловых, и кровь их обратилась на Авимелеха, брата их, который убил их, и на жителей Сихемских, которые подкрепили руки его, чтоб убить братьев своих” (Суд. 9: 22–24). Паранойальное поведение царя Саула, учинившего настоящую охоту на Давида, мотивируется тем, что “на Саула напал злой дух от Бога” (1 Цар. 16: 14; 18: 10; 19: 9). Неправильный политический, военно-стратегический прогноз четырёхсот пророков при дворе Израильского царя Ахава объясняется работой “духа лживого” и злого, посланного Иеговой в наказание Ахаву за то, что по навету жены его Иезавели был оклеветан и побит камнями Навуфей Изреелитянин: “И вот, попустил Господь духа лживого в уста всех сих пророков” (3 Цар. 22: 22–23). Когда Христос исцелил бесноватого, фарисеи обвинили Его в том, что “Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского” (Мф. 12: 24). И тогда, отменяя этот злобный навет и свидетельствуя о Себе как о Мессии, Спаситель изрёк: “Порождения ехиднины! Я Духом Божиим изгоняю бесов. Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает. Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем” (Мф. 12: 28, 30–32, 34). “Фарисеи, – поясняет это место Святого Благовествования архимандрит Михаил, – ополчились в данном случае против яснейшего откровения божественного Святого Духа, как Он явил Себя во Христе изгнанием бесов. Фарисеи явились в открытой вражде против сего Духа до такой степени, что видимые действия Его приписали сатане, или веельзевулу, а посему хула на Духа означает не только отрицание очевидных действий Его, но и злобное оскорбление Духа, когда Его действия приписываются демону, что свидетельствует о крайнем неверии и ожесточении сердца. Не простится этот грех потому, что нравственное состояние, какое он предполагает и в котором может найти себе место этот грех грехов, таково, что человек теряет нравственную способность к восприятию действий Святого Духа; это состояние таково же, как состояние демонов нераскаянных”²³. Принимающий христианскую веру человек крестится Духом Святым – тем же Духом, которым Иоанн Предтеча крестил Самого Спасителя в Иордане: “Тогда пришёл Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко Мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда Иоанн допустил Его. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Иисуса. И се, глас с небес глаголющий: “Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение” (Мф. 3: 13–17). Вот почему хула на Святого духа и определяется Христом как наитягчайшее, неискупимое прегрешение. По назиданиям святых отцов, бесы зачинаются и изгоняются только именем Духа Святаго и единосущного и единоластного с Ним Иисуса Христа, только в Них, точнее – в колебимой вере в Них, наше спасение, крепкая оборона от нечистой силы и наша духовная опора искони и до веку. “Без присутствия Владыки небесного Иерусалима не может быть побеждён диавол с сообразным ему полчищем”²⁴. “Беси бо Бога боятся; беси бо креста ся боять Господня”²⁵, – писано про них Киево-Печерским чернецом Нестором в “Повести временных лет”. Вот почему блоковская поэма о революционной бесовщине увенчивается образом Спасителя.

Раздумья Давида Самойлова на эту тему весьма знаменательны. Прочитав в феврале 1971 г. рукопись книги о Блоке своего друга Анатолия Якобсона²⁶, поэт оставил о ней в дневнике несколько записей: “Мои возражения: недопустимый, задиристый, петушасьий тон полемики; только автор знает истину; банальные идеи: образ многозначен, Блок двойственен. По-моему, Блок целен. “Двенадцать” и последующее – тому доказательство. Причина гибели Блока – цельность, а не раздвоенность. Слабо о Христе. Христос “Двенадцати” – высшая художественная идея, а не философский или политический замысел. В Христе – художественная идея: причастность всего этого мира к высшему. Это Христос Блока, но и “Двенадцати”. В Нём есть интимное, от иконки в скромном храме – белый венчик (не венец) из роз. Неправомерное разделение поэзии и публицистики Блока. Блоковское неприятие цивилизации –

идея русская, а не нищенская, она сродни Л. Толстому. Нельзя ставить знак равенства между народом и чернью, революцией и большевизмом. Вывод: книга не удалась. Да и не могла удалась. Политика слепит глаза. Злость мешает эстетическому анализу. Якобсон спорит слабо. Видимо, устал, разочарован в своей работе, которую мыслил как “взрыв и славу”. Христос в “Двенадцати” – *иррациональное*, возникшее помимо замысла, на взлёте вдохновения – как завершающая нота. Он вытекает из интонации, возвышает её. Он – композиционная точка. Он – *подсознание художника*²⁷.

Что думал по данному поводу сам Блок, можно узнать из его заметок в дневнике (10 марта 1918 г.) и записной книжке (18 февр. 1918 г.): “Христос с красногвардейцами. Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие²⁸ и думавших о нём <...> Красная гвардия – “вода” на мельницу христианской церкви (как и сектанство и прочее, усердно гонимое). Как богато еврейство было водой на мельницу самодержавия, чего ни один “монарх” вовремя не расчухал. В этом – ужас (если бы это поняли). В этом – слабость и красной гвардии: дети в железном веке; сиротливая деревянная церковь среди пьяной и похабной ярмарки. Разве я “восхвалял” (Каменева)? Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на этом пути, то увидишь “Исуса Христа”. Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный²⁹ призрак³⁰; “Что Христос идёт перед ними (красногвардейцами. – Д. Н.) – несомненно. Дело не в том, “достойны ли они Его”, а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого – ? – Я как-то измучен. Или рожаю, или устал³¹. Кто такой этот “Другой”, явствует из контекста: никем иным, кроме как Антихристом он быть не может, поскольку только Антихрист и есть единственная “мистериальная” альтернатива Христу. Исходя из этого, можно заключить: Блок прекрасно понимал, что возглавлять разбойную шайку грабителей и убийц может только сам дьявол³², – понимал и, как видно из текста записи, “измучился” сомнениями, но всё же окончательный выбор остановил на образе-“призраке”, образе-“видении” Иисуса Христа, причём в его старообрядческой, “сектантской” трактовке³³, поскольку известно, что именно так – “Исус”, а не “Иисус” – писали и произносили старообрядцы имя Спасителя. Как известно, в конце 1908 г. Блок неоднократно встречался с сектантами и посещал их собрания³⁴. М. М. Пришвин вспоминал в 1918 г.: “Мы в одно время с Блоком когда-то подходили к хлыстам, я – как любопытный, он – как скучающий. Хлысты говорили: “Наш чан кипит, бросьтесь в наш чан, умрите и воскреснете вождём”. Блок спрашивал: “А моя личность?...”³⁵ Точно так же, как, опасаясь утратить независимость и суверенитет своей личности художника-поэта, Блок удержался безоглядно сигануть в “кипящий чан” хлыстовства, устоял он и перед тем, чтобы окончательно и бесповоротно отречься от “святой Руси с её иконами и тараканами”. Подобно радикально антирусски и антихристиански настроенному еврейству, “задрав штаны”, лавиной хлынувшему в революцию и в карательные отряды ЧеКа; подобно мейерхольдам и евреинным, “неустанно нюхать воздух и приспособляться” к новой власти Блок не умел, не захотел да и не был на это способен. Легко предать, как В. Брюсов, М. Горький, А. Белый или А. Н. Толстой, “тараканную Русь” и растоптать святые иконы Блоку помешала *христианская* совесть колеблющегося между верой и безверием агностика. И это, конечно, отчётливо понял Троцкий, с фарисейством прирождённого словоблуда высмеявший в своём разборе “Двенадцати” “индивидуализм пронзённого революцией романтика” и назвавший поэта “*подлинным декадентом*”. Что подразумевал под этим определением “литературовед” с маузером на боку, можно понять, если обратиться к одной статье известного теоретика “мистического анархизма” Г. И. Чулкова, посвящённой публикации “Двенадцати” и озаглавленной “Красный призрак”. “Декадентство, – утверждал здесь Чулков, – есть прежде всего своеволие, отъединение, самоутверждение, беззаконие³⁶. Этого “своеволия”, “самоутверждения”, индивидуализма, художнического суверенитета, “отъединения” от общего революционного стада как раз больше всего и опасались “умные марксисты”, разглядевшие в подтексте “Двенадцати” то, что долгие годы не могли или не хотели увидеть записные советские блокведы, повторявшие друг за другом, как попугаи, одно и то же: “Октябрьская революция открыла Блока как поэта <...> Он создал свой поэтический шедевр – всемирно прославленную революционную поэму, которая навсегда осталась в художественной истории человечества

величественным памятником Октябрьской эпохи <...> В “Двенадцати” Блок с громадным вдохновением и блистательным поэтическим мастерством запечатлел образ новой, революционной родины. Он понял и принял революцию”³⁷.

В утверждении о том, что Блок “понял и принял революцию”, есть своя глубокая правда, только смысл её совершенно иной, чем это явствует из контекста вышеприведённой цитаты. “Христос с красногвардейцами. Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нём”, – записал Блок, как мы помним, в своём дневнике. Что означают эти, на первый взгляд, загадочные слова? Только ли то, что Господь наш искони и довеку всегда на стороне неимущих и обездоленных? “Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать слепым прозрение” (Лк. 4: 18), – действительно сказал Христос, но ведь имел Он в виду, прежде всего, “нищих духом”, “сокрушённых сердцем” и слепых в невежественной темноте своего безверия, а вовсе не сброд голодранцев, готовых ради того, чтобы залить глаза, набить брюхо и пожить чужим добром, оторвать голову первому встречному. Сказано в Писании: “Любовь Христова объемлет всех. Христос за всех умер” (2 Кор. 5: 14–15) и муки крестные принял за всех – не только за бедных, сирых и убогих, но и за богатых и удачливых, не только за талантливых и знаменитых, но и за бездарных и завистливых. Смирненно омыв во время тайной вечери своим ученикам ноги и отерев их полотенцем, которым был препоясан, Христос, по обыкновению прибегая к притчевому назиданию, сказал апостолам: “Знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете” (Ин. 13: 12–17). Это значит, что никакого преимущественного права перед Господом нищий без гроша в кармане и даже пребывающий в рабской зависимости по сравнению с богатым и властвующим не имеет. Для Господа важна наша искренняя, глубокая вера, а не имущественный ценз или сословная принадлежность. Византийская императрица Елена, обретшая в IV в. в Иерусалиме Животворящий Крест Господень, построившая множество храмов и щедро помогавшая бедным, прославлена Церковью как святая, в то время как злословивший Христа во время его крестных мук и ошую распятым рядом с Ним голодранец-разбойник Гестас отправился прямым в преисподнюю. Другой же злодей, Дисмас, распятый одесную Иисуса, раскаялся, уверовал в Господа и в мгновение ока стяжал райское блаженство. Такова сила Благодати Господней, которая, как сказал мудрец, “даётся даром и по неизвестному определению”³⁸.

Особо следует акцентировать в аспекте новых, недавно опубликованных свидетельств, ещё один – самый знаменательный – смысл явления образа Иисуса Христа в финале “Двенадцати”. Ведь сознать это явление мы всё же должны как можно ближе к тому, как трактовал его для себя сам Блок, а не его многочисленные и по большей части близорукие интерпретаторы. Тут необходимо отметить, что если история религиозно-философских исканий петербургской интеллигенции до революции 1917 года изучена довольно неплохо³⁹, то исследования на эту же тему, касающиеся периода большевистской диктатуры, стали появляться недавно и поэтому вызывают повышенный интерес⁴⁰. В книге петербургского историка, авторитетного масоноведа В. С. Брачева “Оккультисты советской эпохи” (2007) приводятся подтверждённые документами данные о деятельности в 1921–1928 гг. в Петрограде (с 1924 г. – Ленинграде) организованных И. М. Андреевским⁴¹ православно-философских кружков “Хельфернак” (Художественно-литературно-философско-религиозная научная академия) и “Братство преподобного Серафима Саровского”. Заседания “Хельфернака” (проходившие по средам на квартире И. М. Андреевского на мансардном этаже дома на Церковной улице, 12), наиболее активная деятельность которого приходится на 1921–1925 гг., посещали в числе литераторов, учёных, студентов персоны и по сию пору знаменитые – будущий академик Д. С. Лихачёв и будущий классик литературоведения М. М. Бахтин. На заседаниях “Братства преп. Серафима Саровского” в 1926–1927 гг. горячо обсуждались доклады о молитве, о святых отцах, о прообразах Иисуса Христа в Ветхом Завете, о литургике, о прототипе старца Зосимы у Ф. М. Досто-

евского, о ранней истории русской церкви (этот доклад был представлен Д. С. Лихачёвым). Тогда же сын профессора Е. Ф. Аничкова (близкого приятеля А. А. Блока), научный сотрудник НИИ языков ЛГУ Игорь Аничков (род. в 1891 г.) выступил перед членами “Братства” с докладом “Россия и антихрист”, в котором, излагая свои убеждения, сказал: “Я жду *новой религии*, в которую войдёт – в качестве составного элемента – коммунизм, и которая будет восполнением, а не отменой христианства, как и христианство было восполнением, а не отменой Ветхозаветной религии. Это будет *третья сила*, которая явится как *синтез после христианства и большевизма* (ленинизма), тезиса и антитезиса. Так думал и Александр Блок, который часто бывал в доме у моего отца и с которым я был лично знаком”⁴². Так, вместе с Блоком, думала и значительная часть интеллигенции, распропагандированной в религиозно-философских сектах и масонских кружках адептами доктрины о союзе христианства с революцией. 13 ноября 1908 года в Религиозно-философском обществе и повторно, 12 декабря в Литературном обществе Блок прочёл свой доклад “Россия и интеллигенция”⁴³ и занёс в записную книжку мнение о нём влиятельного масона, теоретика “мистического анархизма” А. А. Мейера, проповедовавшего идею “внутреннего родства революционной и религиозной деятельности”⁴⁴. Арестованный в декабре 1928 г. ОГПУ за организацию парамасонского интеллигентского кружка “Воскресенье” А. А. Мейер дал на одном из допросов весьма знаменательное показание: “Основная установка моя в вопросе “религия и революция” сводится к следующему: религия не частное и не национальное дело. Религия не может быть безразлична к историческим путям человечества. Христианская религия в принципе своём утверждает преодоление индивидуализма, и в этом главный путь смычки христианства с социальной революцией”⁴⁵. Многих интеллигентов, разделявших эту спекулятивную идею об идеологической близости милосердых заповедей Христа с учением о “классовой борьбе” Маркса и Ленина, установленная большевиками диктатура, с первого дня развязавшая жесточайший террор против православных церковнослужителей, быстро отрезвила и заставила кардинально переменить свои убеждения. Участница религиозно-философского кружка А. А. Мейера М. В. Пигулевская написала в этой связи 7 ноября 1922 года: “Я в своё время исповедовала такое убеждение: коммунизм строит здание и строит его без креста, но когда достроит до конца, мы сделаем купола, поставим крест, и всё будет хорошо. Я так думала. Теперь иначе. Я знаю, что из ратуши церквей не делают. Теперь строится синагога Сатаны, из которой – сколько колоколов ни вешай, ничего не сделать”⁴⁶.

К счастью для репутации русской интеллигенции, помимо парамасонских сообществ “розенкрейцерского” и “тамплиерского” толка, существовали в Петрограде (Ленинграде) 1920-х годов и два православно-философских кружка, крайне оппозиционно настроенных по отношению к большевистской власти – уже упоминавшийся нами, созданный И. М. Андреевским “Хельфернак” (с 1926 года – “Братство преподобного Серафима Саровского”) и “Космическая Академия Наук”, организованная молодыми учениками Андреевского, настроенными ещё более радикально, чем он сам. О героическом по тем временам “радикализме” Андреевского можно судить по посвящённому его деятельности разгромному фельетону “Пепел дубов”, опубликованному в “Ленинградской правде” 14 июня 1928 года. Авторы этого пасквиля, состоявшие на довольствии в ОГПУ, обвинили Андреевского во всех, с их точки зрения, “смертных грехах”, каждый из которых тянул как минимум на “высшую меру социальной защиты”, то есть расстрел. По сведениям, добытым сексотами-щелкопёрами, “махровый контрреволюционер и монархист” Андреевский, преподававший литературу в средней школе, бесстрашно рассказывал ученикам о сатанинской сущности революции, о том, что власть большевиков – это власть антихриста, “о жиде Зиновьеве” (тогдашнем председателе Петросовета и председателе Исполкома Коминтерна), о зверском убийстве в Екатеринбурге царской семьи. В мае 1926 года “молодёжная секция” кружка Андреевского создала самостоятельное православно-философское сообщество, назвав его с присущим юности задором “Космическая Академия Наук” (КАН). “Отцами-основателями” этой нелегальной организации были инструктор налогового управления Эдуард Розенберг⁴⁷, избранный руководителем Академии, а также юные студенты Ленинградского университета Пётр Мошков, Андрей Миханьков и Дмитрий Лихачёв (будущий знаменитый акаде-

мик). Д. С. Лихачёв в своих мемуарах всячески подчёркивает невинный характер деятельности КАН, заседания которой будто бы являлись чуть ли не студенческими капустниками. “Космическая Академия Наук, — пишет он, — это был шуточный кружок друзей, своего рода маскарадное действо. Нами был провозглашён принцип весёлой науки, которая не только ищет истину, но истину радостную и облачённую в весёлые формы”⁴⁸. Как видно, здорово напугали академика четыре года мытарств на Соловках и Беломорканале — наказание, определённое Лихачёву Коллегией ОГПУ за участие в деятельности КАН. Однако, как свидетельствует не так давно рассекреченное следственное дело “Космической Академии”, была в её деятельности, кроме “шуточного маскарада”, и другая сторона, о которой мемуарист предпочёл умолчать, а именно — пристальный интерес к современности, политике, состоянию культуры, общественной жизни, и особенно — к катастрофическому еврейскому засилью в СССР. Наиболее впечатляет в этом аспекте хранящийся в следственных материалах по делу “Космической Академии” дневник кандидата в её члены Дмитрия Каллистова (сына академика, историка Б. Д. Грекова). “Иудеи принадлежат, — читаем мы здесь, — к той части людской породы, которой чуждо чувство застенчивости. Поэтому они уже давно, совершенно не стесняясь, смело садятся на шею революционного народа. Да и к чему стесняться: если вода сухая, то и жида — русские. Брюнеты только, да кое-чего не хватает, вот и всё. Это несущественный признак (отсюда выводы). И идут они с запада и с юга, целыми полчищами оседают в русских городах, занимают лучшие русские земли. А мы всё продолжаем услужливо улыбаться, а мы всё кланяемся. Кто они, эти пришельцы? Они действительно те, кто принёс нам “классовое сознание извне”, кто сотворил над русской бедной головой варварскую операцию, после которой и вода суха, и жид — русский, и революция — величайшее завоевание, но только их, а не наше. Вот почему глубоко прав товарищ Преображенский⁴⁹, когда говорит, что контрреволюция — это антисемитизм. Прибавим то, чего не хватает в этой формуле и что из неё непременно следует: революция — это семитизм. Характерно, что о том, что контрреволюция — это антисемитизм, уже пишут в газетах, а о том, что революция — это семитизм, русские ослы боятся и подумают. Но если вы согласитесь с положением товарища Преображенского, вы должны согласиться и со мной. Если революция это власть жидов — к чёрту такую революцию, пора проститься. Пора понять, что происходит. Пора трезво отнестись к проекту палестинских жидов переехать на их настоящую родину, то бишь в нашу многострадальную матушку Русь. Пора перестать бояться тех непьющих русских мужиков, которые называются “кулаками”, и тех лавочников, которые, отпуская товар, кладут от страха в штаны и гордо именуются “возрастающей в своей активности буржуазией”⁵⁰. Другой участник собраний КАН, Андрей Миханьков, записал в своём дневнике 2 апреля 1927 года: “В трамвае перекрестился на Николу Морского, за что был осмеян рабочим. Хотел было вступить в разговор и крыть коммунистов и жидов, но решил не терять своего достоинства перед скотом”⁵¹.

В начале первой русской революции, 25 июня 1905 г., Александр Блок, одержимый навязчивой идеей революционного преобразования России и опрометчиво поверивший в то, что “беспощадный русский бунт” будет очистительной грозой, а не кровавой братоубийственной живодёрней, написал своему близкому товарищу Е. П. Иванову: “Какое важное время! Великое время! Радостно! <...> Знаешь, что я хочу бросить? Кротость и уступчивость. Это необходимо относительно *некоторых* дел и *некоторых* людей <...> Я и написать не могу всего, но то, чего я не могу высказать ясно, вертится всё близ одного: хочу действительности, чувствую, что близится огонь, что жизнь не ждёт, хочу много ненавидеть, хочу быть жёстче... Близок огонь — какой — не знаю. Старое рушится. Никогда не приму Христа!”⁵² По счастью, это безоглядно-максималистское “никогда”, как и иные скоропалительные суждения мятущегося в “горниле сомнений”⁵³ поэта, оказалось не его пожизненной догмой, а всего лишь опрометчивым заблуждением романтика-бунтовщика, подверженного стихийным, противоречивым душевным порывам, о чём ясно свидетельствуют стихи 1905-го (“Вот Он — Христос — в цепях и розах...”) и 1914 г. (“Я не предал белое знамя...”) или заключительные строки “Двенадцати”. 28 мая 1917 г. Блок стал крёстным отцом дочери Е. П. Иванова⁵⁴. Последние, предсмертные слова поэта, сказанные в 1921 году, исполнены поистине гали-

леевского (“А всё-таки она вертится!”), или, можно даже сказать, галилейского, несгибаемого победоносного духа и потаённой, совестливой любви: “А всё-таки я Христа никому не отдам!”⁵⁵ Исходя из этого, не нужно быть особенным прозорливцем, чтобы утверждать, что не на уровне, конечно, скоропреходящих эсеровских утопий или взвинченных публицистических тирад, а “на бездонных глубинах духа, недоступных для государства и общества” (“О назначении поэта”) Блок – как крещённый христианин – без особых внутренних колебаний и духовных сомнений вполне разделял убеждение столь почитаемого и любимого им Достоевского: “Нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной”⁵⁶. Поэтом духовным завещанием Блока следует по справедливости считать не его болезненно-кошунственный черновик пьесы о Христе (7 января 1918 г.) или последнюю, до сей поры вызывающую “метафизические прения” (М. Ю. Лермонтов) строфу “Двенадцати”, а совершенно зря забытую записными блоковедами записку юного поэта, адресованную Л. Д. Менделеевой. Предыстория этой записки такова.

К осени 1902 года, как свидетельствуют мемуары Любови Дмитриевны, страстная романтическая влюблённость в неё поэта достигла своей трагической кульминации. Решительное объяснение между Прекрасной Дамой и её верным паладином состоялось в ночь с 7 на 8 ноября 1902 г. Поскольку все обстоятельства, изложенные в этом фрагменте воспоминаний Л. Д. Менделеевой, достаточно красноречиво свидетельствуют о более чем серьёзном и ответственном отношении Блока к тексту его предсмертного (как он предполагал) записки, воздержимся от каких-либо ненужных в данном случае комментариев и дадим слово мемуаристке: “Подходило 7-е ноября, день нашего курсового вечера в Дворянском собрании. И мне вдруг стало ясно: объяснение будет в этот вечер. Не волнение, а любопытство и нетерпение меня одолевали <...> Дальше всё было очень странно <...> Я была на вечере с моими курсовыми подругами <...> Мы сидели на хорах в последних рядах, недалеко от винтовой лестницы, ведущей вниз. Я повернулась к этой лестнице, смотрела неотступно и знала: сейчас покажется на ней Блок. Блок подымался, ища меня глазами, и прямо подошёл к нашей группе. Потом он говорил, что, придя в дворянское собрание, сразу же направился сюда, хотя прежде на хорах я и мои подруги никогда не бывали. Дальше я уже не сопротивлялась судьбе; по лицу Блока я видела, что сегодня всё решится, и затуманило меня какое-то странное чувство: что меня уже больше не спрашивают ни о чём, пойдёт всё само, вне моей воли, помимо моей воли. Вечер проводили как всегда, только фразы, которыми мы обменивались с Блоком, были какие-то в полтона, не то как несущественные, не то как у уже договорившихся людей. Так, часа в два он спросил, не устала ли я и не хочу ли идти домой. Я сейчас же согласилась. Когда я надевала свою красную ротонду, меня била лихорадка, как перед всяким надвигающимся событием. Блок был взволнован не менее меня. Мы вышли молча, и молча, не сговариваясь, пошли вправо по Итальянской, к Моховой, к Литейной – нашим местам. Была очень морозная, снежная ночь. Взвивались снежные вихри. Снег лежал сугробами, глубокий и чистый. Блок начал говорить. Как начал – не помню, но когда мы подошли к Фонтанке, он говорил, что любит, что его судьба – в моём ответе. Помню, я отвечала, что теперь уже поздно об этом говорить, что я уже не люблю, что долго ждала его слов и что если и прощу его молчание, вряд ли это чему-нибудь поможет. Блок продолжал говорить как-то мимо моего ответа, и я его слушала. Я отдавалась привычному вниманию, привычной вере в его слова. Он говорил, что для него вопрос жизни в том, как я приму его слова, и ещё долго, долго. Помню, что я в душе не оттаивала, но действовала как-то помимо воли этой минуты, каким-то нашим прошлым, несколько автоматически. В каких словах я приняла его любовь, что сказала – не помню, но только Блок вынул из кармана сложенный листок и отдал мне, говоря, что если б не мой ответ, утром его уже не было бы в живых. Этот листок я скомкала, и он хранится весь пожелтевший, со следами снега.

“Мой адрес: Петербургская сторона, Казармы Лейб-гвардии Гренадерского полка, квартира полковника Кублицкого⁵⁷, № 13.

7 ноября 1902 года

Город Петербург

В моей смерти прошу никого не винить. Причины её вполне “отвлечённые” и ничего общего с “человеческими” отношениями не имеют. Верую во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Чаю Воскресения мертвых. И Жизни Будущего Века. Аминь.

Поэт Александр Блок⁷⁵⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одно из самых известных стихотворений на эту тему “жизненного актёрства” – “Я – Гамлет. Холодеет кровь...” (1914).

² Сиверко (или сивер), по словарю В. И. Даля, – “резкий, холодный северный ветер; сырая, пронзительная погода”.

³ Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 113.

⁴ Сувчинский П. Предисловие к кн. “А. Блок. Двенадцать” (София, 1920)// Александр Блок: pro et contra. СПб., 2004. С. 311.

⁵ О том, что поэма Блока по своей художественной природе родственна театрально-музыкальному представлению, свидетельствует определённый успех балета “Двенадцать” советского композитора Б. И. Тищенко, бывшего учеником Д. Д. Шостаковича. Премьера этого балета состоялась в 1964 г. в Ленинградском театре оперы и балета им. С. М. Кирова в постановке Л. В. Якобсона. В 1978 г. Б. И. Тищенко стал лауреатом Государственной премии РСФСР.

⁶ Для образно-символической парадигмы Блока-лирика (как и для Н. В. Гоголя) вообще характерно мифологическое представление о недоступной и своенравной красавице – Коломбине, Незнакомке, Снежной Деве, Кармен (у Гоголя это – Панночка, “прекрасная полячка”, красавица-незнакомка из “Невского проспекта”, Аннунциата) – как о “роковой” женщине в образе красивой, но бездушной куклы. В то же время, для Блока (как и для Гоголя в Панночке из “Вия” и “прекрасной полячке” из “Тараса Бульбы”, как и для Достоевского, создавшего образы “инфернальных женщин” Грушеньки и Настасьи Филипповны) в победоносной женской красоте безусловно есть что-то дьявольское, губительное, демоническое. “То, что я (лично) называю “Незнакомкой”, – объяснял ключевой символ своего самого знаменитого стихотворения Блок, – не что иное как “красавица кукла, синий призрак, земное чудо. Незнакомка это вовсе не просто дама в чёрном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это – дьявольский сплав <...> Если бы я обладал средствами Врубеля, я бы создал Демона – но всякий делает то, что ему назначено” (Блок А. А. О современном состоянии русского символизма.// Александр Блок о литературе. М., 1989. С. 249).

⁷ См.: Юрик (П. Феррини). История марионетки. М., “Библиотека журнала “Театр чудес”, 1990.

⁸ Подробнее об этом см. в книге: Голдовский Б., Смолянская С. Театр кукол Украины. Страницы истории. Ст.-Фрациско, 1998.

⁹ Голдовский Б., Смолянская С. Указ. соч. С. 35.

¹⁰ См.: Петров И. Южно-русский театр и в частности вертеп.// “Киевская старина”, 1882, Вып. XII; Галаган М. Украинский вертеп.// “Киевская старина”, 1882, Вып. X; Кисиль А. Украинский вертеп. СПб., 1916; Белецкий А. Старинный театр в России. Зачатки театра в народном быту и школьном обиходе Южной Руси. М., 1923; Марковский М. Украинский вертеп. Розвідки й тексти. Київ, 1929; Голдовский Б. П. Летопись театра кукол в России XV–XVIII вв. М., “Библиотека “Театра чудес”, 1994.

¹¹ Блок А. Записные книжки 1901 – 1920. С. 394.

¹² Кожин В. В. Россия. Век XX (1901–1939). История страны от 1901 г. до “загадочного” 1937 г. Опыт беспристрастного исследования. М., 2001. С. 152–163.

¹³ Троцкий Л. Д. Литература и революция (напечатано по изданию 1923 г.). М., 1991. С. 98–102.

¹⁴ Носарь Георгий Степанович, псевдоним – Хрусталёв Пётр Алексеевич (1879–1919) – уроженец Украины, один из главных политических деятелей революции 1905 года, человек поразительной, насыщенной авантюрами приключениями судьбы, загадочная биография которого до сих пор не исследована. В 1905 г. Носарь был избран первым председателем Петербургского Совета рабочих де-

путатов, а его заместителем (“товарищем”) стал Л. Д. Троцкий. 26 ноября 1905 г. Носарь был арестован и в тот же день на заседании Исполнительного Комитета Совета новым председателем был избран Троцкий. Существует высказанное Носарём предположение, что Троцкий, будучи секретным агентом-осведомителем охранного отделения царской полиции, просто-напросто настрочил донос на своего соратника, чтобы занять его место. После Октябрьского переворота Носарь издал (в 1918 г. в Переяславе) разоблачительную книгу о большевиках “Из недавнего прошлого”, где обосновал перемену своих убеждений и свои политические расхождения с бывшими соратниками. Эпиграфом к этой книжке Носарь взял слова Ивана Шатова из романа Достоевского “Бесы”: “Кого же я бросил? Врагов живой жизни; устарелых либералишек, лакеев мысли, врагов личности и свободы, дряхлых проповедников мертвечины и тухлятины! Что у них: самая мещанская, подлая бездарность, завистливое равенство, равенство без собственного достоинства, равенство, как сознаёт его лакей... А главное, везде мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы!” Помимо этого, Носарь издал также брошюру “Как Лейба Троцкий-Бронштейн расторгивал Россию”, в которой утверждал, что Троцкий был не только секретным агентом-осведомителем царской охранки, но также (во время Первой мировой войны) и платным агентом немецкого Генерального штаба. По приказу Троцкого находившийся на Украине Носарь был найден и без суда расстрелян чекистами вместе со своим братом. В. В. Шульгин в книге “Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России” (1929) написал, что заспиртованная голова Хрусталёва была отправлена Троцкому в Москву как доказательство казни ненавистного ему разоблачителя. В одном из стихотворений Велимира Хлебникова об Октябрьской революции можно прочесть: “Тринадцать лет хранили будетляне/ За пазухой, в глазах и взорах,/ В Красной уединясь поляне,/ Дней Носаря зажжённый порох”.

¹⁵ Троцкий Л. Д. Литература и революция. С. 83, 81.

¹⁶ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 88, 82.

¹⁷ Из дневниковых записей Блока: “Тоска, хоть вешайся. Опять либеральный сыск. — Жиды, жиды, жиды” (7 марта 1915 г.); “Это проклятое, кадетское, еврейское “ничего нет и ничего не будет” — лейтмотив газеты “Речь” и Милюкова <...> бескрылые люди” (22 мая 1917 г.); “История идёт, что-то творится, а жидки — жидками: упористо и умело, неустанно ноющая воздух, они приспосабливаются, чтобы не творить (так как сами лишены творчества)” (27 июля 1917 г.).

¹⁸ Тиняков А. И. (1886–1934) — уроженец Мценского уезда Орловской губернии, поэт, критик, публицист, автор стихотворных сборников “Navis nigra” (“Чёрный корабль”), “Треугольник” (1922) и “Ego sum qui sum” (“Аз есмь сущий”, 1924). До революции 1917 г. Тиняков выступал с разоблачительными статьями против леволиберального и революционного еврейства в газете “Земщина” и др. Подробнее об А. И. Тинякове см. в публикации: Варжапетян В. Исповедь антисемита: Повесть в документах. // “Литературное обозрение”, М., 1992, № 1. В письме к Тинякову от 19 апреля 1916 г. А. Блок написал: “Мы с Вами почти одинаково думаем о евреях. Я не раз высказывал устно и письменно (хотя и не печатно) — евреям и неевреям — мысли, сходные с Вашими; иногда и страдал от этого, хотя далеко не так, как Вы” (ГПБ, ф. 774, № 3).

¹⁹ Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. / Прилож. к журн. “Вопросы философии”. М., 1989. С. 371–374.

²⁰ Строка из стихотворения “И в Киевском храме Премудрости Бога...” (Ахматова А. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 119).

²¹ Блок А. Соч. в 2-х тт. Т. 1 М., 1955. С. 200, 201, 203.

²² Словарь Библейских образов. / Под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб., 2005. С. 60.

²³ Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна с предисловиями и подробными объяснительными примечаниями Архимандрита Михаила. В 3-х книгах. Книга первая. М., 1870. С. 221.

²⁴ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1908. С. VI–VII.

²⁵ Повесть временных лет. / Сер. “Литературные памятники”. СПб.: “Наука”, 1999. С. 60.

²⁶ Книга А. А. Якобсона “Конец трагедии” впервые опубликована в 1973 г. в Нью-Йорке, в 1992 г. переиздана в Москве в изд-ве “Весть”. Судьба Якобсона сложилась трагически: эмигрировав в 1973 г. в Израиль, он тяжело переживал отъезд и в 1978 г. покончил с собой.

²⁷ Самойлов Д. С. Подённые записи. В 2-х тт. Т. 2. М., 2002. С. 52–53.

- ²⁸ О том, что во время работы над поэмой “Двенадцать” Блок перечитывал Евангелие, свидетельствуют его заметки в записной книжке 1918 г.: “8 января. Весь день – “Двенадцать” <...> 10 января. Мама прислала Евангелие” (А. Блок. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 382, 383).
- ²⁹ Мысль о “женственной” природе Бога является существенной чертой мировоззрения Ф. Ницше, который, вспоминая время работы (1876–1877 гг.) над книгой “Человеческое, слишком человеческое”, писал: “С помощью суровой самодисциплины я положил конец всему привнесённому в меня мошенничеству высшего порядка – “идеализму”, “прекрасным чувствам”, “Богу” и прочим женственностям” (Ницше Ф. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 789).
- ³⁰ Дневник Ал. Блока 1917–1921. Издательство писателей в Ленинграде, 1928. С. 112.
- ³¹ Александр Блок. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 388–389.
- ³² В древнерусских литературных “видениях”, жанре, напрямую заимствованном из византийско-славянской агиографии, Антихрист часто являлся монахам в образе Иисуса Христа, чтобы таким образом дьявольская “прелесть” была более действенной (См.: Тихонравов Н. С. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 1. СПб., 1898; Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006).
- ³³ Первыми на эту особенность образа “Иисуса Христа” в поэме “Двенадцать” обратили внимание П. А. Флоренский, С. М. Соловьёв и Ф. А. Степун (См.: Александр Блок: pro et contra. СПб., 2004).
- ³⁴ См.: Александр Блок. Записные книжки 1901–1920. С. 547.
- ³⁵ Пришвин М. Большевик из “Балаганчика” (Ответ Александру Блоку).// Александр Блок: pro et contra. СПб., 2004. С. 259.
- ³⁶ Чулков Г. Красный призрак.// Александр Блок: pro et contra. С. 251.
- ³⁷ Орлов В. Н. Александр Блок.// Блок А. А. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1955. С. XLIV–XLV.
- ³⁸ Лосев А. Ф. Дополнения к “Диалектике мифа”.// “Источник”. Вестник архива Президента Российской Федерации. М., 1996, № 4.
- ³⁹ См., в частности, работы: Селянинов А. Тайная сила масонства. СПб., 1911; Иванов В. Ф. От Петра I до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934; Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты. Либералы. Масоны. Социалисты. Мадрид, 1986; Берберова Н. Н. Люди ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986 (российское издание – М., 1997); Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990; Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990; Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996; Серков А. И. История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1997; Брачев В. С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб., 1997; Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России в конце XIX – начале XX века. М., 1998; Острецов В. М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998; Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999; Кряжева-Карцева Е. Л. Рождение русского мистицизма на рубеже XIX–XX веков.// Социально-гуманитарные науки на рубеже XXI века. Вып. 1. М., 2000; Кожин В. В. Россия. Век XX (1901–1939). История страны от 1901 года до “загадочного” 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. М., 2001; Марков Н. Е. Войны тёмных сил. Статьи 1921–1937 гг. М., 2002; Башилов Б. История русского масонства (XVII–XX вв.). М., 2004; Брачев В., Шубин А. Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007; Брачев В. С. Оккультные истоки революции. Русские масоны XX века. М., 2007; Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siecle в России. М., 2008.
- ⁴⁰ Одна из первых работ на эту тему: Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998.
- ⁴¹ Иван Михайлович Андреевский (1894–1976) родился в семье архивариуса Петербургского управления земледелия и землеустройства М. П. Андреевского и немки (урождённой Нейман), дочери скрипача-немца из Мариинского театра. Из двух братьев и сестры И. М. Андреевского известность получила лишь сестра – поэтесса Мария Шкапская. В 1921 г. И. М. Андреевский окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петроградского университета, после чего работал учителем русской литературы в средних школах Петрограда, 8 октября 1928 г. И. М. Андреевский, Д. С. Лихачёв и ещё семь участников кружка Андреевского Постановлением коллегии ОГПУ были осужде-

ны по статье 58/11 УК РСФСР на 5 лет концлагерей. Выпущенный в 1932 г. на свободу, Андреевский поселился в Волховстрое, в годы Великой Отечественной войны оказался на оккупированной территории и ушёл вместе с немцами на Запад. После 1945 г. проживал в США, где под псевдонимом И. М. Андреев опубликовал несколько работ по истории русской церкви.

- ⁴² Цит. по: Брачев В. С. Оккультисты советской эпохи. Русские масоны XX века. М., 2007. С. 133.
- ⁴³ Впервые доклад А. Блока “Россия и интеллигенция” опубликован в 1-м номере московского журнала “Золотое руно” за 1909 г.
- ⁴⁴ Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 124.
- ⁴⁵ Цит. по: Брачев В. С. Оккультисты советской эпохи. С. 116–117.
- ⁴⁶ Цит. по: Брачев В. С. Указ. соч. С. 104.
- ⁴⁷ Д. С. Лихачёв в своих мемуарах написал: “Моим самым большим и, пожалуй, единственным настоящим другом был Эдуард Карлович Розенберг – самый жизнерадостный и весёлый человек, которого я только знал. Он самостоятельно изучал латынь и греческий, легко знакомился, легко переносил тяготы своей неустроенной жизни, а тягот у него было много, и наиболее тяжкая – нараставшая глухота. Сам он был из Петергофа. Его отец был директором императорской аптеки, типичный немец – аккуратный, спокойный, как и все аптекари. Мать – финка, сперва лютеранка, потом перешла в православие. Эдуард не был похож на немца – разве только своей необыкновенной, чисто немецкой аккуратностью” (Лихачёв Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 264).
- ⁴⁸ Лихачёв Д. С. Воспоминания. С. 139.
- ⁴⁹ Преображенский Е. А. (1886–1937) – экономист, в 1904 г. примкнул к социал-демократическому движению, в 1920–1921 гг. – секретарь ЦК РКП(б) и член Оргбюро ЦК, сторонник троцкизма, с 1927 г. неоднократно исключался из партии, репрессирован.
- ⁵⁰ Цит. по: Брачев В. С. Оккультисты советской эпохи. С. 141.
- ⁵¹ Цит. по: Брачев В. С. Указ. соч. С. 142.
- ⁵² Блок А. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1955. С. 555–556.
- ⁵³ В записных тетрадях Ф. М. Достоевского можно прочесть возражение его критиком: “Мерзавцы дразнили меня необразованной и ретроградной верой в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в “Инквизиторе” и в предшествующей главе, которому ответом служит весь роман. Не как дурак же (фанатик) я верую в Бога. Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое пережил я. Им ли меня учить! И в Европе такой силы атеистических выражений нет и не бывало. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла” (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб.: типогр. А. С. Суворина, 1883. С. 375).
- ⁵⁴ См.: Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 349.
- ⁵⁵ Цит. по: Топоров В. Н. Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. М., 2004. С. 97.
- ⁵⁶ Из письма Ф. М. Достоевского к Н. Д. Фонвизиной (1854 г.) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Л., 1972–1989. Т. 28. Кн. 1.
- ⁵⁷ Кублицкий-Пиоттух Ф. Ф. (1860–1920) – с 1889 года второй муж матери поэта А. А. Бекетовой (1860–1923), отчим А. А. Блока, был офицером лейб-гвардии Гренадерского полка, впоследствии генералом, командиром дивизии в 1914 – 1917 гг.
- ⁵⁸ Блок Л. Д. И быль и небылицы о Блоке и о себе. // Блок в воспоминаниях современников. В 2-х тт. Т. 1. М., 1980. Ссылаясь на эту записку Блока и на его автобиографический очерк “Исповедь язычника”, (1918), К. В. Мочульский, воспользовавшись известным афоризмом карфагенского пресвитера Тертуллиана (“*Anima naturaliter christiana*”), резонно заметил, что “душа Блока по природе своей христианка – несмотря на то, что, как почти всякий русский интеллигент, внутренней жизни православной церкви поэт не знал, однако в этом была не его личная трагедия, а трагедия всей русской интеллигенции” (Мочульский К. В. А. Блок. А. Белый. В. Брюсов. М., 1997. С. 239).